

Белорусский государственный университет

УДК 94:327((47+57)+438):930((47+57)+438)"1918/1941"

МЕЗГА

Николай Николаевич

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ
И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1918–1941 гг.**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Минск 2016

Работа выполнена в Белорусском государственном университете.

Научный консультант – **Кошелев Владимир Сергеевич**,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории нового
и новейшего времени
Белорусского государственного университета.

Официальные оппоненты: **Меньковский Вячеслав Иванович**,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
Белорусского государственного университета;
Космач Вениамин Аркадьевич,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории и мировой
культуры УО «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова»;
Стрелец Михаил Васильевич,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры социально-политических
и исторических наук УО «Брестский
государственный технический университет».

Оппонирующая организация – **УО «Могилёвский государственный
университет им. А.А. Кулешова».**

Защита состоится 24 ноября 2016 г. в 14:00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.05 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 8 (корпус юридического факультета), ауд.407.

Телефон учёного секретаря: (+37517) 209-57-09.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «13» октября 2016 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций
доктор исторических наук доцент

А.А. Гужаловский

ВВЕДЕНИЕ

С момента восстановления независимости Польши и образования Советского государства между ними развернулась острая идейно-политическая борьба, которая была обусловлена как принципиальными идеологическими расхождениями между этими странами, так и продолжением традиционной российско-польской борьбы за преобладание в регионе Центрально-Восточной Европы. Обе стороны в этой борьбе важную роль отводили исторической науке, прежде всего тем ее направлениям, которые занимались изучением отношений между двумя странами.

Историческая наука является специфической областью деятельности, но при этом неизбежно находится во взаимодействии со сферами политики и идеологии. Она оказывает влияние на их содержание, и со своей стороны ощущает обратное воздействие. Взаимовлияние исторической науки и политической сферы общественной жизни со всей очевидностью проявилось в межвоенной советской и польской историографии советско-польских отношений. Задача истории, по мнению политических лидеров двух стран изучаемого в диссертации периода, заключалась в обосновании того внешнеполитического курса, который проводило государство, и поиске в историческом прошлом аргументов в пользу действий своей страны на международной арене. Однако необходимо учитывать, что объективно цели внешней политики СССР и Польши, в том числе и в отношении территории Беларуси коренным образом отличались. Поэтому по-разному следует оценивать и усилия советской и польской историографии по обслуживанию внешнеполитического курса своей страны с точки зрения белорусских национальных интересов.

Проблема использования исторической науки во внутри- и внешнеполитических целях государства активно изучается в последнее время. При этом широкое распространение получил характеризующий это взаимодействие термин «историческая политика». Изучение работ советских и польских историков 1918–1941 гг. позволяет внести весомый вклад в решение важной и актуальной проблемы о связи исторической науки с политикой и идеологией, особенно в случае, когда она изучает события, близкие к современности, понять роль историографии в формировании образа стран и народов, которые выступают контрагентами на международной арене. Для Беларуси научная проблема, которой посвящена диссертация, имеет особую актуальность, так как судьба белорусского народа во многом зависела от той борьбы, которая шла между Польшей и Советским государством в межвоенный период, и в которой активное участие принимала историография советско-

польских отношений в двух странах. Кроме того, для современной Беларуси, переживающей период становления национального государства, актуален опыт использования исторической науки в целях государственного строительства.

Изучение историографии советско-польских отношений в межвоенное время актуально и в связи с тем, что на этом научном направлении продолжают острейшие дискуссии, появляются новые теории и интерпретации. Знание историографии позволяет адекватно понять содержание исторических концепций и положений, характерных для различных историографических направлений и школ, взглядов отдельных историков, установить слабо изученные проблемы, что является необходимым условием для определения направлений и аспектов исследования истории советско-польских отношений на современном этапе. Труды советских авторов исследуемого в диссертации периода содействовали приобретению исторической наукой Советского государства первого опыта по изучению советско-польских отношений. Специфика работы историков в те годы заключалась в том, что практически одновременно проходило становление отношений между Советской Россией и Польшей, и закладывались основные подходы к их изучению. При этом советские авторы исходили из необходимости противостоять польской буржуазной историографии. На многие схемы, концепции, выводы, разработанные историками в 1918–1941 гг., опиралась советская историография этой проблемы послевоенного времени. В значительной степени они присутствуют и в современной российской историографии. В трудах ряда современных белорусских историков, посвященных истории советско-польских отношений, прослеживается влияние советской историографии. В польской исторической науке после падения коммунистического режима с конца 1980-х гг. произошел ренессанс межвоенной историографии международных отношений, коснувшийся и истории советско-польских отношений.

Актуальность темы данного исследования определяется также ее слабой изученностью. В 1918–1941 гг. советскими и польскими исследователями по истории отношений между СССР и Польшей был создан значительный массив научной и публицистической литературы, которая, однако, пока не стала предметом глубокого изучения. В исторической науке Беларуси, России и Польши на сегодняшний день не существует обобщающих работ по теме данного исследования. Белорусской национальной исторической науке необходимо сформировать собственный взгляд на те положения советской и польской историографии, которые касаются истории Беларуси, что важно для противодействия возможным попыткам искажения и фальсификации истории нашей страны.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами и темами

Тема диссертационной работы соответствует приоритетным направлениям фундаментальных научных исследований в Республике Беларусь: Государственной программе научных исследований «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» на 2011–2015 гг. (ГПНИ «История, культура, общество, государство»). В рамках указанной программы на протяжении 2011–2015 годов автором являлся руководителем задания «Международные связи в Центрально-Восточной Европе и Беларусь (1918–1939 гг.)» (номер госрегистрации в БелИСА 20111165). В рамках Государственной программы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограммы «История и культура» на 2016–2020 гг. под руководством соискателя выполняется задание «Беларусь в польско-советских отношениях 1918–1939 годов» (номер госрегистрации в БелИСА 20161488).

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить содержание и особенности советской и польской историографии 1918–1941 гг. по истории советско-польских отношений.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- рассмотреть концептуальное содержание советской и польской историографии польско-советской войны 1919–1920 гг.;
- раскрыть сущность работ советских и польских авторов по проблеме Рижского договора и установления границы между Польшей и советскими республиками;
- рассмотреть основные положения, выработанные советской и польской историографией отношений между СССР и Польшей от заключения Рижского мира до подписания договора о ненападении 1932 г.;
- охарактеризовать существовавшие в советской и польской историографии концепции и подходы при изучении советско-польских отношений в условиях назревания и начала Второй мировой войны;
- выявить наиболее характерные черты историографии СССР и Польши 1918–1941 гг. по истории советско-польских отношений и осуществить их сравнительный анализ;
- определить общественно-политические и гносеологические факторы, которые оказали влияние на характер, направленность, научный уровень работ, созданных историками СССР и Польши в 1918–1941 гг. по истории отношений между двумя странами.

Объект исследования – историография Советской России / СССР и Польши в 1918–1941 годах.

Предмет исследования – советская и польская историография 1918–1941 гг. по проблеме советско-польских отношений.

Нижние **хронологические рамки** исследования определяются выходом на международную арену Советской России и восстановившей независимость Польши и фактически одновременно начавшимся формированием историографии советско-польских отношений. Верхней хронологической границей работы является начало Великой Отечественной войны, когда под влиянием перемен в политических отношениях СССР и Польши, ставших союзниками в войне против Германии, изменилось содержание советской и польской историографии двухсторонних отношений.

Научная новизна

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке и апробации методики сравнительного анализа историографии двух стран, предметом изучения которой являлись хронологически близкие к моменту проведения исследования отношения между этими странами. На основе сравнительного анализа охарактеризованы основные интерпретации, концептуальные положения, определены общие и отличительные черты советской и польской историографии 1918–1941 гг. советско-польских отношений. Установлены особенности развития указанных направлений историографии, формирование которых протекало в условиях острой конфронтации между СССР и Польшей и большого влияния на развитие исторической науки стремления обеих государств использовать ее в идейно-политической борьбе на международной арене. Историческая наука была поставлена на службу политике своего государства, что, с одной стороны, содействовало становлению советской формы государственности в России и возрождению польского независимого государства, а с другой, являлось существенным препятствием для получения объективных научных знаний и вело к тому, что историографии двух стран выступали как противостоящие друг другу в политическом и научном плане. Сделан важный вывод о том, что польская историография, стремясь оправдать экспансию Польши на «восточные кресы», включение в ее состав Западной Беларуси, содействовала политике своего государства, направленной на разобщение белорусских земель, что вело к торможению процесса формирования белорусской государственности. Позиция советской историографии, подчеркивавшей несправедливый характер присоединения к Польше Западной Беларуси, объективно содействовала ее воссоединению с БССР и объединению всех белорусских земель в составе одного государственного образования.

Положения, выносимые на защиту

1. Наибольшее внимание советская и польская историографии 1918–1941 гг. уделила польско-советской войне 1919–1920 гг. Также она основательно изучала вопросы, связанные с заключением Рижского мира и борьбой за установление границы между Польшей и советскими республиками. Другие аспекты советско-польских отношений были разработаны слабее. Предметом исследования в обеих странах стали действительно значимые события и процессы советско-польских отношений, и их перечень практически совпадает. В то же время каждая из названных историографий обошла вниманием некоторые проблемы, изучение которых и историками, и государством считалось нецелесообразным с политической точки зрения. Советские историки замалчивали невыполнение СССР положений Рижского договора о передаче Польше материальных ценностей, стремление советского руководства произвести пересмотр польских границ, подрывную деятельность на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Польские исследователи не затрагивали такие проблемы, как репрессии в отношении белорусского и украинского населения на территории Польши, политика ее правящих кругов, направленная на отторжение от СССР его национальных окраин, поддержка деятельности антисоветских организаций. Советские и польские историки осуществляли интерпретацию истории советско-польских отношений руководствуясь, прежде всего, государственными, национальными, классовыми интересами как они понимались в то время. В результате одни и те же события и процессы этих отношений получали в исторической науке СССР и Польши абсолютно различную трактовку.

2. История польско-советской войны 1919–1920 гг. явилась той научной проблемой, по которой в СССР и Польше в 1918–1941 гг. была создана наиболее обширная историография. Это объясняется повышенным общественным и научным интересом к данному событию, поскольку оно стало ключевым для развития советско-польских отношений всего межвоенного периода. Кроме того, историки имели более значительный временной отрезок, чтобы заниматься изучением польско-советской войны. Польские историки подчеркивали, что политика их государства в ходе войны отвечала интересам не только польского, но и всех народов, которые жили на территории так называемых «восточных кресов». Советская историография акцентировала внимание на том, что политика Советской России соответствовала интересам трудящихся всех стран, включая Польшу.

Историки в обеих странах указывали, что ключевым противоречием, приведшим к войне, являлся территориальный вопрос. Советские исследователи сформулировали концепцию, согласно которой за планами Польши осуществить захват украинских, белорусских и литовских земель стояло стремление польских помещиков и буржуазии реализовать свои классовые интересы, ликвидировать на этих территориях и в целом в России советскую власть. Что касается польских

авторов, то они трактовали экспансию Польши на восток как борьбу за восстановление ее «исторических» границ. Важной причиной войны ими больше в пропагандистских целях провозглашалась необходимость противостоять угрозе большевизма и осуществить «цивилизаторскую миссию». За стремлением большевиков осуществить «мировую революцию» польские историки видели и намерение реализовать великодержавные планы России. При изучении событий польско-советской войны советские историки добились более значимых научных результатов в 1920-е гг., когда в историографии присутствовали научная дискуссия и относительный плюрализм мнений. В польской историографии войны 1919–1920 гг. в условиях режима «санации», в отличие от периода парламентской республики, при поддержке власти стали преобладать односторонние подходы и выводы, отражавшие политические взгляды пилсудчиков.

3. Второй по значимости научной проблемой для советских и польских историков являлся Рижский договор и становление польско-советской границы. Позиции советских и польских историков совпадали в признании готовности Советской России и Польши осенью 1920 г. добиваться прекращения войны, но в историографии каждой из названных стран прослеживается отчетливое желание подчеркнуть искреннее стремление к миру лишь своего государства. При описании хода мирных переговоров исследователи как СССР, так и Польши пытались доказать правомерность позиции своего правительства и подвергали резкой критике партнера по переговорам.

В обеих странах историки установили, что центральной проблемой при подготовке мирного договора был вопрос о границе, по которому советская сторона проявила готовность идти на большие уступки. При оценке Рижского договора советская историография, с одной стороны, стремилась показать, что условия мира для России были лучше, чем те, которые она предлагала весной 1920 г., а с другой – подчеркивала империалистический характер договора со стороны Польши. Польские историки, представлявшие восточное, или «пилсудчиковское» направление в историографии, доказывали, что соглашение в Риге не позволило Польше в полной мере реализовать свои планы на востоке. Странники правых партий, принадлежавшие к западному направлению историографии, отстаивали более реалистичную концепцию, согласно которой Рижский мир давал Польше максимум возможного в тех условиях.

4. Историки СССР и Польши сделали обоснованный вывод о том, что Рижский договор не стал базой для развития добрососедских отношений между двумя странами, и вину за это стремились возложить на противоположную сторону, приписывая ей наличие агрессивных планов и намерение их осуществить. Конкретизируя агрессивные устремления Польши, советские исследователи показывали ее стремление захватить БССР и УССР. Польские авторы разработали

концепцию «двух врагов», согласно которой в качестве важнейшей цели советской политики определяли ревизию установленной в Риге границы в союзе с Германией.

Историки в обеих странах смогли достаточно точно определить проблемы, игравшие наиболее важную роль в советско-польских отношениях 1921–1932 гг.: выполнение Рижского договора, заключение договора о ненападении, диверсионно-подрывная деятельность с сопредельной территории, стремление создать военно-политические блоки, направленные против другой стороны. Советские и польские авторы установили, что в середине 1920-х – начале 1930-х гг. в отношениях между СССР и Польшей были периоды, характеризовавшиеся тенденцией к улучшению этих отношений.

5. Отношения между СССР и Польшей в 1933–1939 гг. рассматривались межвоенной историографией этих стран в контексте нарастания угрозы новой мировой войны. Поскольку эта угроза исходила, прежде всего, от Германии, то отношения между СССР и Польшей обоснованно изучались в тесной взаимосвязи с советско-германскими и польско-германскими отношениями.

Советские историки придерживались аргументированной позиции, согласно которой Польша являлась союзником нацистской Германии в ее агрессивных планах против СССР. В качестве доказательства своей позиции советская историография справедливо указывала на совместные усилия Варшавы и Берлина по срыву усилий по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Польские авторы характеризовали сотрудничество своей страны с Германией как политику «равновесия», противопоставляя ее политике коллективной безопасности. Они пытались доказать, что такая политика была единственно правильной в тех условиях, могла обеспечить Польше великодержавные позиции в Центральной и Восточной Европе и безопасность. Эти необоснованные выводы являлись одним из факторов, который препятствовал пересмотру ошибочной внешней политики Польши.

6. В рассматриваемый в диссертации период советская и польская историография истории советско-польских отношений столкнулась с двумя серьезными проблемами, содействовавшими снижению научного уровня исследований. Во-первых, воздействием политического фактора на процесс научных изысканий, что проявилось в навязывании государством «единственно правильной точки зрения» на различные аспекты истории советско-польских отношений. Историки опирались не столько на исторические источники и научную методику, сколько руководствовались установками государства по вопросам внешней политики. В результате лишь по отдельным вопросам истории советско-польских отношений интерпретации советских и польских авторов межвоенного времени совпадали или были близки: определение территориального вопроса в качестве главного при возникновении войны 1919–1920 гг., выявление в польской политической элите двух подходов при решении

проблемы восточной границы, выделение периодов, когда в советско-польских отношениях наблюдалось потепление. В подавляющем большинстве случаев исследователи двух стран давали абсолютно разную трактовку важнейших процессов и событий советско-польских отношений. Многие работы советских и польских авторов имели полемический характер и представляли собой ответ на вызов, брошенный историографией другой стороны.

Во-вторых, важнейшим фактором, отрицательно влиявшим на изучение истории советско-польских отношений в СССР и в Польше стал крайне ограниченный, регламентируемый государством доступ исследователей к историческим источникам. Поэтому историки в обеих странах в своих работах обнародовали в основном достаточно известные факты истории этих отношений, давали упрощенное объяснение происходившим в них процессам. Под влиянием двух указанных факторов историческая наука в СССР и Польше во многом превращалась в «историческую идеологию».

7. В СССР и Польше в период 1918–1941 гг. изучение советско-польских отношений как политически злободневной проблемы в большой степени определялось «исторической политикой» государства. Ее суть заключалась в стремлении государства опереться на историю для достижения внешнеполитических целей. В Польше правящие круги стремились использовать историческую науку в интересах становления независимого государства, для доказательства его жизнеспособности, обоснования его границ, «великодержавного» статуса. Поскольку в польской политической элите имелись отличавшиеся точки зрения касательно политики в отношении СССР, то и в историографии под влиянием политического фактора сформировалось два направления: восточное, политически близкое к лагерю пилсудчиков, и западное, разделявшее внешнеполитические подходы эндеции. Польская историография, прежде всего восточное направление, не смогла адекватно оценить внешнюю политику своей страны, в том числе и в отношении СССР, и спрогнозировать ее катастрофические последствия.

В СССР «историческая политика» до середины 1930-х гг. делала акцент на отстаивании советским государством классовых интересов пролетариата. При изучении советско-польских отношений подчеркивались усилия Советской России / СССР по защите прав трудящихся, приобретенных благодаря советской власти, от польских помещиков и капиталистов. С середины 1930-х гг. государство открыто поставило перед советской исторической наукой задачу показать преимущество во внешней политике СССР по отношению к царской России. Советско-польские отношения стали рассматриваться в контексте обеспечения безопасности страны, восстановления международных позиций СССР. В работах советских историков полностью исчезает тезис о мировой революции как цели советской внешней политики. Политический

фактор способствовал формированию в советской историографии советско-польских отношений единых подходов, что исключало возможность формирования в ней различных направлений. Если в 1920-е гг. и имелись определенные разногласия между исследователями, то они определялись субъективными мотивами.

Личный вклад соискателя

Диссертационная работа является результатом самостоятельного научного исследования ее автора. Все публикации по теме выполнены самостоятельно. Слабая изученность рассматриваемой темы, введение в научный оборот значительного объема историографического и архивного материала обусловили высокую степень самостоятельности представленных положений и выводов. Авторский подход проявился в том, что впервые содержание советской и польской историографий 1918–1941 гг. охарактеризовано на основе их сравнительного анализа, определен научный уровень исследований в двух странах по истории советско-польских отношений на основе анализа не только историографических источников, но и изучения соискателем основных проблем этих отношений с привлечением широкого комплекса архивных материалов, опубликованных источников и современной историографии. Развитие историографии советско-польских отношений в СССР и Польше в 1918–1941 гг. рассматривалось в тесной связи с той борьбой, которая шла между двумя странами на международной арене.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Положения диссертации докладывались автором на 28 международных и республиканских научных и научно-практических конференциях, среди которых Международная научная конференция «Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР)» (Минск, 24–25 апреля 2003); Международная научная конференция «История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы исторического прошлого и современности» (Витебск, 30–31 октября 2003); IV Международная научная конференция «Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы» (Гомель, 26–27 мая 2005 г.); III Международный семинар «Проблеми всесітньої історії: держава та суцільство в історичній ретроспективі» (Чернигов, 17–19 мая 2006 г.) Международная научная конференция «Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы» (Гомель, 28–29 сентября 2006 г.); II Международная конференция цикла: Беларусь: политика, история, культура «Stosunki Polsko-Białoruskie. Historia i współczesność» (Торунь, 19–20 октября 2006 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Гістарыяграфія

гісторыі Беларусі, новай і навейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША» (Мінск, 28 марта 2008 г.); II Международная научная конференция «Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы» (Гомель, 9–10 октября 2008 г.); Международная научная конференция «Вторая мировая война и послевоенное устройство мира», посвященная 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне (Брест, 27–28 сентября 2010 г.); Международная научная конференция «Геополитическая трансформация в Восточной Европе между двумя мировыми войнами (к 90-летию подписания Рижского мирного договора)» (Брест, 17–18 сентября 2011 г.); XXIII Всеукраинская научная историко-краеведческая конференция «Освіта на Поділлі: минуле та сьгодення» (Винница, 20–21 октября 2011 г.); Международная научная конференция «Україна і Польша: історичне сусідство» (Винница, 17–18 мая 2012 г.); Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран», посвященная 75-летию образования кафедры истории Новой и Новейшего времени БГУ (Минск, 25 октября 2012); Научно-методический семинар «Украина и Беларусь: история и современность» (Николаев, 12–13 мая 2013 г.); IV Международная научно-практическая конференция «Аркасівські читання» (Николаев, 11–12 квітня 2014 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Славяне в Первой мировой войне: Славянская государственность на обломках великих империй в XX веке» (Санкт-Петербург, 15–17 октября 2014); Международная научная конференция «Первая мировая война в исторических судьбах Восточной Европы» (Вилейка, 18 октября 2014 г.); Международная научная конференция «Романовские чтения – X», посвященная 80-летию со дня образования исторического факультета учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (Могилев, 27–28 ноября 2014 г.); Международная научная конференция «Беларусь и соседи: пути формирования государственности, межнациональные и межгосударственные отношения» (Гомель, 21–22 апреля 2016 г.)

Результаты диссертации были использованы при работе в рамках научного проекта «Международные связи в Центрально-Восточной Европе и Беларусь (1918–1939 гг.)», выполняемого по ГПНИ «История, культура, общество, государство», подпрограмме «История и культура» на 2011–2015 годы (госрегистрации в БелИСА 20111165).

На основе результатов диссертационного исследования разработаны и читаются лекционные курсы по учебным дисциплинам «историография», «историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки», «история новейшего времени», спецкурс «советско-польско-германские

отношения в условиях становления и начального этапа эволюции Версальской системы (1918–1926 гг.)».

На базе результатов диссертационного исследования разработаны и читаются учебные дисциплины «История новейшего времени», «Историография истории», «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки», дисциплина специализации «Советско-польско-германские отношения в условиях становления и начального этапа эволюции Версальской системы (1918–1926 гг.)». Имеется 7 актов о практическом использовании материалов диссертации в учебном процессе.

Опубликованность результатов диссертации

Основные результаты диссертации опубликованы в 66 научных работах, в числе которых 2 монографии (объемом 11,4 и 13,71 авторского листа), 31 статья в научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, в том числе 9 статей в зарубежных научных изданиях (общим объемом 14,62 авторского листа), 11 статей в других научных журналах и сборниках научных трудов и 22 статьи в сборниках материалов научных конференций.

Структура и объём диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, пяти глав (10 разделов), заключения, библиографического списка. Полный объем работы составляет 255 страниц. Библиографический список состоит из 473 наименований, включая собственные публикации автора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первая глава **«Теоретико-методологические основы исследования»** состоит из двух разделов. В первом из них **«Историография советско-польских отношений как предмет исследования исторической науки»** отмечается, что работы по проблеме историографии советско-польских отношений появились еще в межвоенный период. Одной из них стала книга белорусского автора В. К. Щербакова. Он уделил основное внимание изучению влияния общественных условий на развитие исторической науки, рассматривая ее как один из участков классовой борьбы¹. В последующие годы проблеме взаимодействия и взаимовлияния исторической науки и социально-политических условий советские и постсоветские авторы продолжали уделять значительное внимание². Глубокий анализ партийной политики в области

¹ Шчарбакоў, В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В. К. Шчарбакоў. – Менск : Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1934. – 104 с.

² Алексеева, Г. Д. Развитие советской исторической науки 1917–1923 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Д. Алексеева. – М., 1961. – 18 с.; Аксенова, Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е. П. Аксенова. – М. : Институт славяноведения РАН, 2000. – 224 с.

исторической науки, нацеленной на установление жесткого контроля, цензуры сделан в докторской диссертации и монографии современного российского исследователя М. В. Зеленова³. Белорусский историк В. А. Острога в своих работах осуществил периодизацию белорусской советской полонистики в межвоенный период, выделив три основных этапа⁴.

Достаточно основательно в советской и постсоветской историографии изучены организационные структуры советской исторической науки в 1918–1941 гг., занимавшиеся в той или иной степени исследованием истории советско-польских отношений как в СССР в целом⁵, так и в отдельных советских республиках⁶. Значимые историографические обзоры по проблеме советско-польских отношений межвоенного времени имеются в монографиях, посвященных их истории. В этом плане следует обратить внимание прежде всего на работы П. Н. Ольшанского, И. В. Михутиной, С. Н. Полторака⁷. При изучении советскими историками историографии советско-польских отношений сформировалась необоснованная точка зрения о слабом развитии исследований этой проблемы в советской межвоенной историографии⁸. В целом, в отечественной, советской и постсоветской науке исследователи мало обращались к изучению советской историографии советско-польских отношений в первые два десятилетия ее развития.

Польские историки уделили крайне незначительное внимание изучению советской историографии 1918–1941 гг. по истории советско-польских отношений. Отметим лишь исследования Р. Войны, в которых он анализирует взгляды советских авторов того времени на проблему восстановления независимости польского государства⁹.

При изучении историографии польско-советских отношений в межвоенной Польше польские исследователи значительное внимание обратили

³ Зеленов, М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука / М. В. Зеленов. – Н. Новгород, Волго-Вятский АГС, 2000. – 540 с.

⁴ Астрога, В. Палітычныя і нацыянальна-культурныя праблемы Заходняй Беларусі 1939–1941 гг. у гістарыяграфіі БССР (1939–1941 гг.) / В. Астрога // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – Białystok, 2000. – № 13. – S. 158–170.

⁵ Алексеева, Г. Д. Развитие советской исторической науки 1917–1923 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Д. Алексеева. – М., 1961. – 18 с.; Аксенова, Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е. П. Аксенова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000 – 224 с.

⁶ Сяргеева, Г. Г. Гісторыя славянскіх народаў у працах беларускіх савецкіх даследчыкаў / Г. Г. Сяргеева, П. Ц. Петрыкаў, У. М. Міхнюк. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 36 с.; Рубльов, О. С. Інститут історії України НАН України / О. С. Рубльов // *Український історичний журнал*. – 2006. – № 6. – С. 4–35.

⁷ Ольшанский, П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1974. – 288 с.; Михутина, И. В. Советско-польские отношения. 1931–1935 / И. В. Михутина. – М.: Наука, 1977. – 323 с.; Полторака, С. Н. Победоносное поражение: размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия / С. Н. Полторака. – СПб.: Аспект Пресс, 1994. – 268 с.

⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 4. – 854 с.

⁹ Wojna, R. Odrodzenie polski w radzieckiej historiografii i publicystyce / R. Wojna // *Kwartalnik historyczny*. – Rocznik XCV, nr. 3. – Warszawa, 1989. – S. 87–106.

на общественно-политические условия ее развития¹⁰. Современный польский автор А. Чуби́нский отмечает большую зависимость польской исторической науки от политического фактора, поскольку в историческом прошлом различные политические силы искали аргументы в пользу обоснования своих политических концепций¹¹. При разработке вопроса периодизации польской межвоенной историографии исследователи сходятся на том, что в ней можно выделить два этапа: до майского переворота 1926 г. и период режима «санации». В первый период сформировались два основных направления в польской историографии, в политическом плане ориентированные на эндецию и пилсудчиков: западное и восточное. На втором этапе резко возросло влияние пилсудчиковской историографии, которая фактически получила статус официальной¹².

В советской историографии всячески подчеркивался классовый характер польской исторической науки, ее связь с политикой правящих кругов, роль в обосновании их внешнеполитических планов¹³. Один из крупнейших советских специалистов по данной проблеме Л. А. Зашкильняк акцентирует внимание на том, что на концепции польских историков существенное влияние оказывала их политическая позиция, отмечает, что после переворота 1926 г. в польской историографии «усилились реакционные, великодержавные тенденции»¹⁴, что является упрощенной трактовкой процессов, происходивших в польской историографии.

Польские историки эпохи ПНР подчеркивали антисоветскую направленность концепции «двух врагов», выработанной польской межвоенной историографией¹⁵. К числу наиболее значимых исследований польской историографии межвоенного времени следует отнести работы современного польского автора Э. Дурачинского. Он указывает, что для польских историков в то время центральной была проблема возрождения польского государства¹⁶.

Отдельный блок историографии, изученной в ходе проведения данного исследования, составляют труды современных историков, посвященные истории советско-польских отношений. Знакомство с изложенными в них

¹⁰ Zakrzewski, S. *Historjografja polska wobec wskrzeszenia panstwa* / S. Zakrzewski. – Lwow : Druk. zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1924. – 39 s.

¹¹ Czubiński, A. *Spory o II Rzeczpospolitą* / A. Czubiński. – Poznań : Instytut zachodni, 1988. – 84 s.

¹² Czubiński, A. *Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921* / A. Czubiński. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 444 s.

¹³ Шчарбакоў, В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В. К. Шчарбакоў. – Менск : Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1934. – 104 с.; Шустер, А. В. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / А. В. Шустер, М. В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. Ред. коллегия Е. В. Тарле и др. – М. : Издательство ЦК МОПР, 1939. – С. 410–445.

¹⁴ Зашкильняк, Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше / Л. А. Зашкильняк. – Львов : ЛГУ, 1986. – 82 с.

¹⁵ Fiedler, F. *Reakcyjna koncepcja dwóch wrogów* / F. Fiedler, S. Jędrychowski. – Warszawa : Wydawnictwo «Nowy drog», 1947. – 32 s.

¹⁶ Дурачинский, Е. Польская историография новейшей истории / Е. Дурачинский // Новая и новейшая история. – 2002. – № 3. – С. 28–39.

концепциями и положениями помогает оценить научный уровень исследований, которые имелись в советской и польской историографии по указанной научной проблеме в 1918–1941 гг., сформировать представление о степени актуальности и значимости тех аспектов советско-польских отношений, которые стали предметом исследования историков в период между мировыми войнами¹⁷.

Исторические источники, привлеченные при написании данной работы, следует разделить на две группы: собственно историографические источники и исторические источники в целом. Современная историческая наука исходит из того, что историографическими источниками являются те исторические источники, которые несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке, и об условиях ее функционирования. Тема данной работы и поставленная в ней исследовательская цель обуславливают использование письменных историографических источников. Это труды историков периода 1918–1941 гг. Советской России / СССР и Польши, в которых рассматриваются проблемы советско-польских отношений.

Основу второй группы источников, на которые опирается данное исследование, составили документы внешней политики СССР и Польши в межвоенный период. Изучение данного комплекса источников помогает на основе их анализа более объективно оценить сформировавшиеся в историографии двух стран 1918–1941 гг. концепции и положения по истории советско-польских отношений. Наиболее значимыми в этой группе источников являются архивные документы¹⁸. Важный комплекс исторических источников составили труды и мемуары политических деятелей той эпохи.

В разделе 1.2 **«Методология и методы исследования»** определены основные принципы методологии и совокупность методов исследования, на которые опирался автор. К важнейшим принципам, которые лежат в основе исторического исследования, относятся принципы объективности, историзма, системности и ценности в истории¹⁹. Реализация принципа объективности основывается на привлечении широко круга разнообразных источников и

¹⁷ Михутина, И. В. Польско-советская война / И. В. Михутина. – М. : Наука, 1994. – 249 с.; Грицкевич, А. П. Борьба за Украину, 1917–1921 / А. П. Грицкевич. – Минск : Современная школа, 2011. – 528 с.; Матвеев, Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 474 с.; Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.; Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – 444 s.; Kamiński, M. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939 / M. Kamiński, M. Zacharias. – Warszawa : KAWDruk, 1998. – 320 s.; Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Krakow : Wydawnictwo Literackie, 2008. – 574 s.

¹⁸ Архив внешней политики Российской Федерации; Archiwum Akt Nowych; Национального архива Республики Беларусь.

¹⁹ Сидорцов, В. Н. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования / В. Н. Сидорцов, А. А. Приборович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 192 с.; Сидорцов, В. Н. История как политика / В. Н. Сидорцов // Беларуская думка. – 2014. – № 4. – С. 61–64.

получении достоверных результатов через применение необходимых для данного исследования методов познания. В соответствии с принципом историзма изучение историографии советско-польских отношений велось на основе временной последовательности и преемственности в смене этапов развития исторической науки, учитывались условия возникновения и развития историографических явлений, их социальные корни.

Методы научного исследования, примененные в данной работе, базируются на диалектических принципах, исходя из которых рассмотрение советской и польской историографии должно осуществляться во всем его многообразии, комплексно и в динамике. В работе нашли применение общенаучные методы исследования, прежде всего, анализ и синтез. В процессе исследования использовались специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, проблемно-хронологический, контент-анализа. Поскольку тема работы нацеливает на проведение сравнительного анализа историографий двух стран, особое значение в данном исследовании имел историко-сравнительный метод. Он позволил проследить связи и процессы в историографии на фоне аналогичных им в другой историографии, раскрыть многообразие сторон, свойств, характерных для процесса развития историографии СССР и Польши.

В работе мы стремились представить закономерности развития советской и польской историографии, выяснить общее и особенное в них. Решение этой задачи потребовало применения историко-типологического метода.

Поскольку проведение данного исследования требовало изучения большого количества однородных источников с большим объемом информации как книги, статьи, возникла необходимость применения метода контент-анализа. Из текста выделялся набор ключевых слов. Регистрируя частоту их появления в тексте, факт отсутствия или присутствия в тексте определенных характеристик, можно определить мотивы, которыми руководствовался его создатель, условия появления и особенности содержания текста.

Историографический анализ работ по истории польско-советских отношений, вышедших в 1918–1941 гг., отличается спецификой, связанной с тем, что исследуемые в них вопросы имели высокую степень политической актуальности, и историки были ограничены в доступе к источникам.

В главе 2 **«Историография польско-советской войны 1919–1920 г.»** осуществлен сравнительный анализ исследований в СССР и Польше, посвященных истории войны между этими государствами в 1919–1920 гг., на основе выявления и сравнения комплекса разработанных в них концепций и положений по этой проблеме.

В разделе 2.1 «Советская историография причин войны и военно-политической борьбы в ходе ее» отмечается, что советская историография 1918–1941 гг. при изучении истории польско-советской войны решала в первую очередь не научную, а политическую задачу. Она стремилась доказать вину Польши за возникновение этой войны. При этом главным в политике Польши в отношении «восточных окраин» считалось желание уничтожить советскую власть и вернуть польским помещикам и буржуазии их собственность на белорусских, литовских и украинских землях (М. П. Павлович, К. Радек). Даже при рассмотрении войны как столкновения Польши и России в борьбе за господство в Восточной Европе, в советской историографии на первый план выходил классовый аспект этой борьбы, что отчетливо просматривается в исследованиях Н. Е. Какурина и В. А. Мельникова, В. И. Пичеты. Такая трактовка польской политики являлась упрощенной. Советские авторы, особенно в 1930-е гг., необоснованно абсолютизировали роль Антанты в развязывании польско-советской войны (Я. Иоффе, П. В. Суслов, А. Василевский, Л. Ломов).

Рассматривая советско-польские отношения в период войны, советская историография аргументировано доказывала, что советское правительство прилагало постоянные усилия, чтобы достичь мирного урегулирования конфликта. При этом отмечалась готовность Советской России идти ради этого на большие территориальные уступки в ожидании мировой революции (К. Радек, Ю. Мархлевский). В 1930-е гг. советские исследователи (И. Ф. Лочмель) готовность уступить Польше большие территории уже объясняли желанием избежать тягот еще одной военной кампании. Стремление принести в Польшу социалистическую революцию на штыках Красной Армии, что соответствует современным научным данным, признавалось советскими исследователями в 1920-е гг. (К. Радек, П. В. Суслов). В следующее десятилетие они полностью отрицали наличие таких планов у Советской России, что связано с отказом советского руководства от курса на подталкивание мировой революции. Советская историография, исследуя политику Польши на оккупированных территориях, стремилась в максимально невыгодном свете показать деятельность польских властей, и имела для этого весомые основания. М. Павлович, Д. Дудков отмечали преследование белорусской школы, социальное угнетение, террор оккупационных властей по отношению к местному населению.

Ощутимое влияние политического фактора на результаты исследования проявлялось при изучении советскими историками хода военных действий, прежде всего, Варшавской битвы. Если в 1920-е гг. картина была достаточно объективной, при определении причин поражения под Варшавой выделялся целый комплекс факторов (П. В. Суслов, Ю. Мархлевский, Б. Шапошников), то

в 1930-е гг. ситуация меняется, и неудачи Красной Армии объясняются прежде всего «предательством» тех государственных и военных деятелей, которые попали под сталинские репрессии. В 1930-е гг. польские правящие круги стали необоснованно рассматриваться как союзники «белого» движения, а об их противоречиях с «белыми» генералами, в отличие от исследований 1920-х гг., речь больше не шла (И. Ф. Лочмель, Ф. Попов).

В советской историографии 1918–1941 гг., посвященной польско-советской войне, следует выделить два периода. Первый из них продолжался до конца 1920-х гг. В это время был еще возможен плюрализм мнений по изучаемым проблемам, но расхождения между исследователями касались частных вопросов, объяснялись субъективным фактором, и нет оснований говорить о существовании в советской историографии советско-польских отношений различных направлений. В 1930-е годы при изучении истории польско-советской войны в советской исторической науке установилось полное «единомыслие», что привело к снижению научной значимости работ по данной проблеме.

В разделе 2.2 «Проблемы возникновения войны и военно-политической борьбы в польской историографии» рассмотрены концепции, выработанные польскими исследователями межвоенного времени по истории польско-советской войны 1919–1920 гг. При определении причин войны польская историография признавала стремление Польши установить в том или ином виде контроль над литовскими, белорусскими, украинскими землями. Правомерность этих планов обосновывалась «историческими правами», «цивилизаторской миссией» Польши в отношении «восточных кресов» и необходимостью защитить польское население на большевиков (К. Олендский). Данные положения польской историографии нельзя признать научно обоснованными. В качестве чрезвычайно важной причины войны больше в пропагандистских целях рассматривалась необходимость для Польши противостоять распространению большевизма (С. Строньский, Т. Кутшеба). Возродившееся польское государство подавалось как «наследник» всех территорий, входивших в состав Речи Посполитой до разделов. Подчеркивалась необходимость создать «великую Польшу», способную выстоять как независимое государство в условиях окружения со стороны Германии и России (С. Кутшеба, С. Грабский). Таким образом, историческая наука выступала фактором, влиявшим на формирование внешней политики страны.

Рассматривая попытки мирных переговоров между Россией и Польшей летом 1919 – весной 1920 г., часть польских историков признавала наличие у советского руководства желания получить мирную передышку. Они обоснованно считали главной причиной продолжения войны политику Ю. Пилсудского по отделению Украины под властью С. Петлюры от России,

чтобы укрепить безопасность Польши (С. Кутшеба). В то же время в польской историографии была распространена и точка зрения, согласно которой для РСФСР переговоры с Польшей весной 1920 г. были лишь попыткой выиграть время, чтобы лучше подготовиться к продолжению военных действий. По мнению Ю. Гжимала-Грабовского, Ю. Пилсудский предпринял поход на Киев, чтобы упредить наступление Красной Армии. Польские историки, особенно в период «санации», всячески подчеркивали самостоятельность польской политики в период войны 1919–1920 гг., ее независимость от Антанты, что в значительной степени соответствует действительности. По их мнению, Ю. Пилсудский стремился на востоке приобрести для Польши великодержавный статус и в этом плане действовал исключительно в польских интересах, а не кого-либо другого (В. Студницкий, В. Сикорский).

В польской историографии была общепринятой точка зрения о серьезных разногласиях между руководством Польши и «белым» движением, нежелании Ю. Пилсудского помогать «белым» генералам в борьбе с большевиками (С. Мацкевич). Польские историки отмечали существенные различия в политике Ю. Пилсудского по отношению к белорусскому и украинскому национальным движениям. Он исходил из того, что белорусское национальное движение слабо. Поэтому не следовало признавать правительство БНР. В то же время начальник государства считал возможным помочь С. Петлюре в создании независимой от России Украины, так как украинское национальное движение было более сильным (Л. Василевский). Доказывалось, что политика Польши на оккупированных территориях «восточных кресов» была благоприятной для проживающего там населения, в частности, польские власти позволяли свободное пользование белорусским и украинским языком, поддерживали развитие белорусской школы (С. Кутшеба, С. Ельский).

У польских историков не вызывало сомнения, что для советского руководства важнейшей целью войны с Польшей была ее советизация. При этом подчеркивалось, что для нее не имелось внутренней базы, и она могла произойти только в результате российской оккупации. Ход событий соответствовал данному положению польской историографии. Победа в битвы на Висле, по мнению польских авторов, имела огромное значение не только для Польши, но и для всех европейских стран. Делался больше пропагандистский, чем научный вывод о Польше как спасительнице Европы от большевизма (В. Липиньский, В. Витос). В 1920-е гг. в польской историографии наблюдалось разнообразие взглядов на историю Варшавской битвы. По мере укрепления режима «санации» господствующей стала односторонняя точка зрения, согласно которой победой в этой битве Польша обязана военному гению Ю. Пилсудского (А. Пшибыльский, В. Липиньский).

В целом, история польско-советской войны заняла центральное место при изучении польско-советских отношений историками как межвоенной Польши, так и СССР. Относительно более объективные в научном плане работы в обеих странах были созданы в 1920-е гг., при принципиальном расхождении польских и советских историков в оценке событий войны. Далее, под влиянием в первую очередь политического фактора, научный уровень работ в обеих странах снижается.

Глава 3 **«Рижский мирный договор и проблема советско-польской границы»** посвящена выявлению и анализу результатов изучения советской и польской историографией 1918–1941 гг. процесса подготовки и заключения Рижского мира, а также хода борьбы за установление польско-советской границы. В *разделе 3.1 «Советская историография об империалистическом характере Рижского мира»* отмечается, что советские авторы подчеркивали стремление России к миру, указывая на две основные причины этого: тяжелое экономическое положение и надежда на мировую революцию, которая ликвидирует сделанные при подписании мира уступки Польше (С. Кислянский, К. Радек). Объясняя готовность Польши начать мирные переговоры, советская историография акцентировала внимание на ее военной слабости. Во второй половине 1930-х гг. бездоказательно заявлялось о военном поражении Польши, в силу чего она вынуждена была согласиться на мирные переговоры. При изучении хода мирных переговоров между советскими республиками и Польшей справедливо указывалось, что центральным в ходе них был вопрос о границах, и чтобы достичь мира, советская сторона пошла в этом вопросе на большие уступки. Советские авторы доказывали стремление польских лидеров, как сторонников федерации, так и сторонников инкорпорации, восстановить Польшу в границах 1772 г. (В. И. Пичета). Ход переговоров советскими историками был изучен слабо, особенно их второй этап, на котором выработывались окончательные условия мира. При оценке Рижского мира советские авторы, с одной стороны, отмечали, что его условия для советских республик были более выгодны, чем те, на которые они соглашались в начале 1920 г. С другой стороны, справедливо подчеркивался империалистический характер Рижского мира со стороны Польши (П. Суслов, В. Друнин).

Раздел 3.2 «Концепции федерации и инкорпорации в исследованиях польских авторов» посвящен польской историографии, занимавшейся изучением истории Рижского мирного договора и формирования границ возрожденного польского государства. Различия в подходах к этой научной проблеме в решающей степени определили основные направления в польской историографии межвоенного времени, изучавшей историю советско-польских отношений, и связь этих направлений с политическими течениями в стране. В условиях парламентской республики политическим преобладанием

пользовались правые партии, и более влиятельным было так называемое западное направление польской историографии, отражавшее их политические позиции. После майского переворота быстро укрепляло свои позиции направление польской историографии, которое можно назвать восточным. Оно отражало политические позиции пилсудчиков.

При определении причин, подтолкнувших Польшу к началу мирных переговоров, часть польских историков отстаивала точку зрения, что это было следствием достижения главной цели войны – выгодных для Польши границ (С. Грабский). Другие авторы обосновывали позицию, согласно которой Польша вынуждена была пойти на мир, так как к весне 1921 г. соотношение сил должно было измениться в пользу России, и польский народ уже устал от войны (Т. Кутшеба). Оба названных положения достаточно точно определяли причины, подтолкнувшие Польшу к началу мирных переговоров. При изучении хода мирных переговоров польские авторы подчеркивали зависимость их хода от ситуации на фронтах. Этим они справедливо объясняли изменение советской позиции от крайне тяжелых для Польши требований в начале переговоров до согласия на большие территориальные уступки в дальнейшем.

Польскими авторами отмечалось, что на мирных переговорах польская делегация придерживалась точки зрения, согласно которой к Польше должны были отойти только сильно полонизированные территории, то есть отстаивала идею инкорпорации (Г. Свобода). А. Пшибыльский отмечал, что в момент подготовки прелиминарного мира позиция Ю. Пилсудского по вопросу о границе была очень близка к той, которую отстаивали на переговорах представители правых партий, что в большой степени соответствует действительности. Польская историография не ставила под сомнение «обоснованность» включения в состав Польши белорусских, украинских и литовских территорий. Более того, указывалось, что значительные «исторически польские земли» остались с советской стороны границы (Я. Чекановский, А. Верный). В качестве фактора, который не позволил Польше включить в свой состав ряд территорий бывшей Речи Посполитой, польская историография не без основания отмечала негативную позицию стран Антанты (С. Кутшеба).

В главе 4 **«Международно-политическое противостояние СССР и Польши в связи с реализацией Рижского договора и подготовкой пакта о ненападении»** охарактеризованы основные концепции, проанализированы важнейшие выводы, к которым пришли советские и польские историки при изучении советско-польских отношений в период от подписания Рижского мира до заключения договора о ненападении 1932 г.

В разделе 4.1 *«Вопросы выполнения Рижского договора и сохранения мирных отношений с Польшей как приоритетные для советской*

историографии» отмечается, что изучение истории советско-польских отношений после Рижского мира в советской межвоенной историографии происходило в различных общественно-политических условиях. До конца 1920-х гг. политика советского государства еще допускала определенный плюрализм в исторической науке. С начала 1930-х гг. государство начало решительное наступление с целью установления полного идеологического контроля над наукой, а история все больше рассматривалась не столько как чисто научная дисциплина, сколько как инструмент идеологической борьбы. Советская историография 1918–1941 гг. при изучении советско-польских отношений опиралась на ленинскую концепцию мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Всячески подчеркивалось стремление Советской России строить добрососедские отношения с Польшей. Но при этом отмечалось, что установленная Рижским договором граница несправедлива. В начале 1920-х гг. высказывалась надежда, что эта несправедливость будет исправлена с помощью пролетарской революции в Польше (Ю. Мархлевский, К. Радек).

Советская историография сделала соответствующий действительности вывод, что после заключения Рижского договора Польша не пошла по пути добрососедского сотрудничества с Советской Россией. Антисоветский характер польской восточной политики односторонне объяснялся классовой ненавистью к советской стране. Правящим кругам Польши приписывалось стремление оторвать от СССР БССР и УССР и создать Белорусское и Украинское государства, зависимые от Польши (С. Я. Гессен, С. Петрухин, В. П. Друнин, Л. Волинский). К враждебной СССР политике Польшу, по мнению советских историков, подталкивали крупные капиталистические государства (А. Василевский). К проявлениям антисоветизма в польской политике советские исследователи относили и стремление Польши создать антисоветские союзы, прежде всего, польско-балтийский блок, а также поддержку белогвардейских организаций. В качестве наиболее активного проводника антисоветской политики рассматривался Ю. Пилсудский (М. Вислинский, О. Травский).

В исследованиях советских авторов обоснованно отмечалось, что в середине 1920-х гг. наметилась определенная тенденция к улучшению советско-польских отношений. Они связывали это с ухудшением внешнеполитического положения Польши, особенно в связи с подписанием Локарнских соглашений и ростом германской угрозы. Однако эта тенденция не стала устойчивой, так как правящие круги Польши не сумели преодолеть классовой враждебности по отношению к советскому государству (М. Вислинский). Лишь в самых общих чертах советская историография осветила ход советско-польских переговоров о договоре о ненападении и

торговом договоре. В качестве главной причины неудачи этих переговоров в середине 1920-х гг. называлось стремление Польши сделать договор о ненападении коллективным с участием прибалтийских государств, что воспринималось советским руководством как осуществление идеи польско-балтийского союза (Б. Вансовский). В качестве мотива, подтолкнувшего Польшу к подписанию договора в 1932 г., советская историография называла «восстановление позиций германского империализма» (К. Радек), а также успехи в экономическом развитии СССР (Ю. Братковский). Положения советской историографии, объяснявшие процесс подготовки и подписания советско-польского договора о ненападении в значительной степени соответствовали действительности.

Большое внимание советская историография уделяла изучению истории Западной Беларуси и Западной Украины в составе Польши. Для этой цели в советских республиках был создан ряд специализированных научных структур. Базой для исследования советскими специалистами истории Западной Беларуси и Западной Украины стала политическая линия советского руководства по этому вопросу, в основе которой было стремление присоединить упомянутые территории к СССР. Поэтому при изучении данной проблемы советские историки, опираясь на многочисленные факты, акцентировали внимание на двух главных аспектах: политика польских властей, направленная на социальное и национальное угнетение белорусов и украинцев, и сопротивление местного населения этой политике. Тем самым формировалось мнение, что польская политика делает необходимым включение Западной Беларуси и Западной Украины в состав советских республик (А. Василевский, Л. Волинский, В. И. Пичета). При этом в 1920-е гг. советские историки делали акцент на социальное угнетение населения Западной Беларуси и Западной Украины, а в 1930-е гг. – на нарушение национальных прав. Это связано с переносом акцентов в советской внешней политике с классовых аспектов на государственные интересы СССР. Некоторые важные проблемы советско-польских отношений того периода вообще выпали из поля зрения исследователей. Например, вопрос передачи материальных ценностей советскими республиками Польше в соответствии с Рижским договором обходился советскими исследователями с точки зрения политической целесообразности.

В разделе 4.2 «Польская историография о внешней угрозе для Польши в период Рапалло» сделан вывод, что после заключения Рижского договора польской исторической науке по-прежнему принадлежала большая роль в формировании общественного мнения по отношению к России. При ее участии образ этого государства как врага Польши, который сформировался в предыдущие столетия, а также во время войны 1919–1920 гг., еще больше

укрепился. Польская историография отстаивала точку зрения, согласно которой после Рижского договора политика РСФСР по отношению к Польше оставалась враждебной. Советское руководство не без основания обвинялось в стремлении провести ревизию установленных в Риге границ (С. Козинский). На новом этапе борьбы Советская Россия изменила тактику, сделав основную ставку на деятельность Коминтерна по расшатыванию буржуазных стран изнутри (С. Ельский, Т. Теслар). К аспектам советской политики, которые также препятствовали нормализации советско-польских отношений, польские исследователи отнесли имевшееся в действительности невыполнение советской стороной материальных обязательств по Рижскому договору, поддержку советским руководством вооруженных отрядов, действовавших в восточных польских воеводствах, то, что в конфликте Польши с Литвой СССР был на стороне последней (С. Кутшеба, С. Грабский). При этом не всегда доказательно отмечалось, что польское правительство предпринимало шаги, направленные на улучшение польско-советских отношений. (Ю. Гжимала-Грабовский).

Угрозу для Польши, по мнению польских авторов, с которым следует согласиться, представляло советско-германское сотрудничество, начавшееся еще во время польско-советской войны 1919–1920 гг., и значительно усилившееся после подписания Рапалльского договора (А. Гжимала-Седлевский). Противостояние «германо-российскому блоку» справедливо определялось польской историографией как одна из наиболее важных задач внешней политики Польши. З. Березовский, например, считал, что данную задачу Польша может решить через создание блока государств, расположенных между Балтийским и Черным морями.

В польской историографии даже в условиях «санации» сохранялся определенный плюрализм, что позволяло ряду авторов поставить под сомнение тезис об исключительно агрессивном характере политики СССР по отношению к Польше (С. Кутшеба, В. Куманецкий). Польская историография смогла объективно определить ряд периодов в польско-советских отношениях, когда они характеризовались потеплением: канун Генуэзской конференции, середина 1920-х и начало 1930-х гг. Эти тенденции польские историки связывали с ухудшением внешнеполитического положения Польши в указанные периоды, что порождало у руководства страны стремление улучшить его через сближение с СССР (С. Строньский). Данное положение польской историографии не вызывает возражений.

В 1930-е гг. историки, близкие к «санации», разработали концепцию, мало соответствующую действительности, согласно которой после майского переворота начался новый этап во внешней политике Польши, характеризовавшийся ростом ее самостоятельности и влияния на международные дела (Ю. Лукаевич). Обращаясь к проблеме заключения советско-польского

договора о ненападении, польская историография отмечала затяжной характер переговоров о нем. Причина этого оправданно виделась в том, что две страны по-разному подходили к решению проблемы обеспечения безопасности в Европе. СССР на заключение договора подтолкнул рост угрозы со стороны Германии и вероятность для него войны на Дальнем Востоке (Ю. Гжимала-Грабовский, Г. Свобода).

Польская межвоенная историография считала одной из важнейших в польско-советских отношениях после Рижского договора проблему Западной Беларуси и Западной Украины. Польские исследователи обоснованно акцентировали внимание на стремлении Москвы подорвать позиции Польши в восточных воеводствах и выделяли ряд шагов, предпринимаемых советским правительством для этого, начиная с диверсионной деятельности и заканчивая созданием советских Украинской и Белорусской республик (С. Сроковский, Ю. Гжимала-Грабовский, Ю. Гертых). При характеристике польской политики, проводимой на «восточных креслах», признавалось, что ее основным направлением была ассимиляция местного населения, чтобы прочно интегрировать его в состав польского государства (С. Ельский).

В главе 5 **«Отношения между Польшей и СССР в условиях нарастания угрозы новой мировой войны»** выявлены основные направления исследования историками двух стран советско-польских отношений в середине – второй половине 1930-х годов, когда на них определяющее влияние стало оказывать стремление правящих кругов обеих государств обеспечить их безопасность в связи с нарастанием военной угрозы.

В разделе 5.1 *«Попытки создания системы коллективной безопасности и советско-польские отношения в советской историографии»*, отмечается, что советская власть с 1930-х гг. посчитала нужным активно использовать историческую науку для обоснования своего права на место в истории России. В новых политических условиях историки должны были показать преемственность политики царской России и СССР, в том числе и политики внешней. Перед исторической наукой ставилась задача содействовать формированию российского патриотизма в условиях подготовки к войне.

Характеризуя советско-польские отношения в середине – второй половине 1930-х гг., советская историография делала вывод, с которым следует согласиться, что договор о ненападении не изменил антисоветского характера польской внешней политики (М. Вислинский). Особую опасность для СССР представляло налаживание сотрудничества Польши с фашистской Германией на основе декларации о неприменении силы 1934 г. Советские авторы аргументировано доказывали, что антисоветизм являлся базой для этого сотрудничества (А. Врублевский, Л. Ломов). Они делали особый негативный акцент на политику Польши, направленную на срыв усилий СССР по созданию

системы коллективной безопасности в Восточной Европе, видя в этом подготовку агрессии против Советского государства. При этом Польша консолидировалась в данном вопросе с фашистской Германией, что в Москве воспринималось как особо опасное обстоятельство для СССР (М. Вислинский, А. Врублевский). Безусловно, Польша, наряду с Германией, сыграла наиболее значительную роль в деле срыва Восточного пакта, но вывод советской историографии в связи с этим о подготовке Польшей агрессии против СССР являлся больше пропагандистским, чем научным.

Советские историки справедливо отмечали, что наибольшей остроты советско-польские отношения достигли осенью 1938 г. в связи с Судетским кризисом. Две страны заняли противоположные позиции в данном вопросе, и Польша выступила как союзник Германии в деле расчленения Чехословакии. Советскими авторами были отмечены имевшие место в реальности некоторые позитивные перемены в политике Польши по отношению к СССР в конце 1938 – начале 1939 г. Они были обоснованно связаны с неблагоприятными для Польши изменениями международной ситуации (В. Гальянов).

После подписания пакта Риббентропа – Молотова советская историография сконцентрировалась на обосновании доктрины политического руководства страны о распаде польского государства в результате войны с Германией, что сделало необходимым вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины для защиты их населения. При этом в работах того времени бездоказательно говорилось о восстании трудящихся на этих территориях как реакции на политику национального и социального угнетения со стороны правящих кругов Польши (В. И. Пичета, А. Манусевич). Характерно, что в условиях, когда советская внешняя политика во второй половине 1930-х гг. была направлена на восстановление великодержавных позиций страны, советские историки подчеркивали исторические права СССР на территории Западной Беларуси и Западной Украины и необходимость оказать помощь «единокровным братьям», находившимся в составе польского государства. Аспект классовой солидарности отошел на второй план.

В разделе 5.2 *«Польская историография о политике «равновесия» как альтернативе системе коллективной безопасности»* указывается, что в исторической науке Польши изучение польско-советских отношений середины – второй половины 1930-х гг. происходило в условиях укрепления режима «санации». Пилсудчики, подчинив себе государственный аппарат, стали использовать его для укрепления своей версии истории польского государства и создания культа Ю. Пилсудского. Польская историография рассматривала польско-советские отношения в контексте нарастания угрозы новой мировой войны, которая непосредственно затрагивала Польшу. Так, А. Бохеньский указывал на существование внешней опасности для своей

страны, а также на то, что в противодействии ей Польша не может получить поддержки ни со стороны России, ни со стороны Германии, от которых исходит угроза польскому государству. Чтобы противодействовать этой угрозе, Польша может опереться на западноевропейские демократии и народы, образующие «санитарный коридор» между Германией и СССР. Усилия польской дипломатии были направлены на то, чтобы создать «третью силу» между этими двумя великими державами способную им противостоять (З. Войцеховский). При этом было польскими историками выработано ошибочное положение, согласно которому создание блока «межморья» обеспечило бы Польшу проведение великодержавной политики. (Ю. Гертых). Польская историография высоко оценивала политику «равновесия» по отношению к Германии и СССР и, в частности, заключение с Германией декларации 26 января 1934 г., бездоказательно рассматривая ее как поворотный момент в отношениях двух стран. Отмечалось, что с подписанием указанной декларации Германия признала Польшу в качестве великой державы, был обеспечен мир на польской западной границе. В противовес господствовавшей в польской исторической науке точке зрения, С. Грабский по мере нарастания германской угрозы выдвинул общеславянские лозунги и считал возможным образование военного союза СССР, Польши, Югославии, Чехословакии. С. Мацкевич считал политику «равновесия» ошибочной, и ее крах наступил 17 сентября 1939 г.

При изучении политики Польши в вопросе создания системы коллективной безопасности польские исследователи сделали обоснованный вывод о негативном отношении Варшавы к этой идее, противопоставившей ей политику «равновесия». С. Кутшеба отмечал, что Польша стремилась к поддержанию хороших отношений с различными государствами. Это делало для нее невозможным заключение Восточного пакта, направленного против Германии. Ошибочность такой политики и положений историографии, ее оправдывавшей, стала очевидна в сентябре 1939 г. По-прежнему польские исследователи активно занимались историей Западной Беларуси и Западной Украины, безосновательно представляя польскую политику на этих территориях как отвечающую национальным интересам белорусов и украинцев (Ю. Гертых, В. Парус). Польская историография практически не уделила внимания советско-польским отношениям в условиях Судетского кризиса, изменениям, которые наметились в них с конца 1938 г.

Работы, посвященные отношениям между СССР и Польшей в середине – второй половине 1930-х гг., писались советскими и польскими авторами по горячим следам событий, были крайне политизированы, имели очень слабую источниковую базу и в этой связи многие из них в большей степени являлись публицистическими материалами, чем историческими научными исследованиями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Исходя из достижений современной историографии и опираясь на анализ исторических источников, можно сделать вывод, что в поле зрения советских и польских историков в 1918–1941 гг. попали действительно наиболее значимые события и тенденции в советско-польских отношениях межвоенного времени. Однако отдельные аспекты и события этих отношений сознательно замалчивались историками той или иной страны, поскольку их изучение могло представить в негативном свете политику своего государства. Советская историография к числу таковых относилась невыполнение СССР положений Рижского договора о передаче польской стороне материальных ценностей, сотрудничество с Германией на антипольской основе и стремление к пересмотру польской границы, диверсионную деятельность на территории Западной Беларуси и Западной Украины. Польские историки обходили молчанием репрессии польских властей в отношении белорусского и украинского населения на территории Польши, наличие планов по отторжению от СССР его национальных районов, поддержку деятельности антисоветских организаций. Между историографиями двух стран имелись принципиальные различия в интерпретации событий и сделанных выводах, что прежде всего связано с изучением двухсторонних отношений сквозь призму интересов своего государства как они понимались в то время, участием исторической науки в идейно-политической борьбе между СССР и Польшей.

В работах советских и польских историков 1918–1941 гг. были подвергнуты исследованию такие аспекты советско-польских отношений, как польско-советская война 1919–1920 гг., которой было уделено наибольшее внимание в советской и польской историографии, заключение Рижского договора, установление границы между Польшей и советскими республиками, развитие отношений между СССР и Польшей в связи с выполнением Рижского договора, подписание договора о ненападении, проблема Западной Беларуси и Западной Украины в отношениях между двумя странами, изменения в советско-польских отношениях в условиях нарастания угрозы Второй мировой войны. Перечень проблем, оказавшихся в центре внимания советских и польских историков, практически идентичен [1; 2; 3; 10; 11; 16; 26; 27; 28; 31; 34; 48; 51; 62].

2. При изучении истории польско-советской войны 1919–1920 гг. советские историки придерживались классового подхода и при определении причин войны делали акцент на стремлении польских помещиков и буржуазии захватить белорусские, украинские и литовские земли, чтобы вернуть поместья, получить сырье и рынки сбыта для промышленности, не допустить распространения на эти территории, а через них на Польшу, социалистической революции. Характеризуя политику Советской России и Польши в ходе войны, советские историки

подчеркивали стремление своего государства к миру и вину за затягивание конфликта возлагали на противоположную сторону.

Советская историография польско-советской войны сформировала более объективные научные концепции в 1920-е гг., когда в рамках в целом единого историографического направления все же могли высказываться различные суждения относительно событий этой войны. В дальнейшем советские историки строили свои исследования, преследуя в качестве главной цели доказательство заявленных властью положений истории польско-советской войны.

Польские исследователи для обоснования политики своей страны по захвату территорий на востоке акцентировали внимание на «исторических правах» Польши по отношению к «восточным кресам», необходимости для нее выполнить свою «цивилизаторскую миссию», не допустить распространения большевизма в Европу. Политика Польши в ходе войны трактовалась как оборонительная, направленная на защиту населения «восточных кресов» от «большевистского террора».

В польской историографии с укреплением режима «санации» также происходит определенная утрата историками научных позиций, достигнутых в изучении польско-советской войны в предыдущие годы. Доминирующей становится тенденция к превознесению роли Ю. Пилсудского в этой войне. Все же в Польше диктат государства по отношению к исторической науке не стал абсолютным, и она смогла сохранить известный плюрализм мнений и оценок при исследовании истории польско-советской войны и в 1930-е гг.

По основным проблемам истории войны исследователи двух стран занимали противоположные позиции. Единственным значимым совпадением в оценках истории польско-советской войны в историографии СССР и Польши было признание территориального вопроса в качестве важнейшего противоречия в ходе этого конфликта. Увлечшись полемикой, советская и польская историография не смогли создать объективную научную картину войны 1919 – 1920 гг. между СССР и Польшей в 1919–1920 гг. [2; 12; 14; 15; 16; 20; 21; 29; 30; 38; 39; 41; 42; 48; 51; 53; 58; 60; 61; 62; 63; 64; 66].

3. При изучении проблемы Рижского договора советские и польские историки сделали обоснованный вывод о преобладании в Советской России и Польше осенью 1920 г. настроений в пользу прекращения военных действий. Историография в обеих странах стремилась представить готовность своего правительства начать переговоры как результат последовательной политики, направленной на достижение мира. Советские и польские историки не смогли провести детальную научную реконструкцию хода переговоров, особенно того их этапа, в ходе которого шла подготовка окончательного договора. При этом они аргументировано показали, что центральной на переговорах была проблема границы и, исследуя ход ее обсуждения, пришли к соответствующему

действительности выводу о провале федералистских планов и реализации концепции инкорпорации в результате подписания Рижского договора.

При анализе данного соглашения для советских историков было характерно стремление, с одной стороны, показать, что военная кампания 1920 г. привела к улучшению условий мира для Советской России, а с другой – желание подчеркнуть империалистический, захватнический характер договора со стороны Польши. Польские историки, близкие в политическом плане к Ю. Пилсудскому, доказывали, что Рижский мир не позволил Польше в полной мере реализовать свои планы на востоке, видели его недостаток в том, что значительная часть территорий, в экономическое и культурное развитие которых, по их мнению, поляки внесли значительный вклад, осталась за пределами Польши. Исследователи, разделявшие политические взгляды эндеции, отстаивали более реалистическую позицию, обосновывали выгоду Рижского мира для Польши и доказывали, что при решении вопроса о границе их страна получила максимум возможного в тех условиях.

Советская и польская историография акцентировала внимание на существовании среди политической элиты Польши двух подходов к решению вопроса о польской восточной границе: федерация и инкорпорация. При этом советские историки практически не уделяли внимания выявлению различий между этими политическими линиями, и акцентировали внимание на империалистическом характере их обеих. В Польше историография разделилась на два направления, восточное и западное, в зависимости от отношения к концепциям федерации и инкорпорации [2; 5; 6; 8; 9; 12; 16; 21; 22; 23; 30; 38; 41; 42; 45; 48; 49; 51; 54; 55; 57; 58; 59; 63; 66].

4. При изучении отношений между СССР и Польшей в период от заключения Рижского мира до подписания договора о ненападении историки обеих стран справедливо отмечали наличие в них напряженности и острых противоречий. Вина за это возлагалась на противоположную сторону, которой приписывались агрессивные устремления. Советские авторы больше в пропагандистских целях указывали на подготовку Польшей войны против советских республик для захвата новых территорий, прежде всего за счет БССР и УССР.

Со своей стороны, польская историография подчеркивала действительно имевшиеся реваншистские устремления СССР, его желание пересмотреть установленные Рижским договором границы, для чего он различными методами стремился ослабить позиции Польши на «восточных креслах». В этом контексте важная роль отводилась изучению истории Западной Беларуси и Западной Украины. Советская историография небезосновательно акцентировала внимание на польской политике социального и национального угнетения белорусского и украинского населения в Польше. Причем в 1930-е гг. акцент смещается именно на национальный аспект. Польские авторы фактически соглашались с такой оценкой,

поскольку в своих работах признавали ассимиляцию белорусов и украинцев Западной Беларуси и Западной Украины в качестве цели польской политики. Польская историография большое внимание уделяла разоблачению советской диверсионной деятельности на указанных территориях.

Резко расходились историки двух стран в оценке рапальской политики, изучению которой уделили большое внимание. Польские авторы обоснованно видели в ней общее стремление СССР и Германии провести ревизию польских границ и характеризовали советско-германское сотрудничество, основываясь на концепции «двух врагов». Советская историография трактовала Рапалло как фактор укрепления мира и элемент политики «мирного сосуществования» СССР с капиталистическими государствами. Польские и советские историки убедительно показали, что на состояние советско-польских отношений также негативно влияли такие проблемы, как выполнение Рижского договора, разногласия при подготовке договора о ненападении. При этом неконструктивная позиция приписывалась противоположной стороне. Следует согласиться, что оба государства не проявляли необходимой доброй воли для снятия противоречий по этим вопросам.

В то же время историки обеих стран справедливо отмечали наличие периодов, когда в советско-польских отношениях имелись объективные условия для их улучшения: середина 1920-х, начало 1930-х гг. В качестве причин этого назывались изменения в международной ситуации, неблагоприятные для Польши и СССР. Обоснованно признавалось, что тенденция к улучшению советско-польских отношений в указанные годы не получила должной реализации. Ее наиболее значимым практическим воплощением стало заключение договора о ненападении 1932 г., но он, по мнению историков двух стран, не принес коренных перемен к лучшему в советско-польских отношениях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 13; 16; 17; 18; 19; 24; 25; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 35; 36; 37; 42; 43; 44; 46; 47; 50; 56; 65].

5. В межвоенной историографии СССР и Польши при изучении отношений между двумя странами в 1933–1939 гг. подчеркивалось решающее влияние на них международной ситуации, характеризовавшейся нарастанием угрозы новой мировой войны. Поскольку эта угроза исходила, прежде всего, от Германии, то советско-польские отношения оправданно рассматривались советскими и польскими историками во взаимосвязи с отношениями Польши и СССР с Германией. Историография обеих стран признавала, что между СССР и Польшей имелись принципиальные разногласия в вопросе о противодействии угрозе новой мировой войны. Советской политике коллективной безопасности Польша противопоставляла заключение двусторонних договоров о ненападении, создание блока «межморья», проведение политики «равновесия» в отношениях с СССР и Германией. Каждая из историографий представляла политику своего государства как способствующую сохранению мира и доказывала несостоятельность в этом плане политического курса другой

стороны. Более аргументированными представляются позитивные оценки советских авторов в отношении политики коллективной безопасности. Характеристика же польскими историками политики «равновесия» как инструмента укрепления безопасности Польши носила чисто конъюнктурный характер. Польские историки всячески подчеркивали угрозу для своей страны со стороны Германии и особенно СССР и трактовали польско-германское сближение как политику «равновесия», направленную на ликвидацию этой угрозы и обеспечение позиций Польши в Центральной и Восточной Европе, достижение ею великодержавного статуса. При этом многие польские исследователи делали ошибочный вывод, что такой статус их страной уже приобретен. Тем самым польская историческая наука вносила свой вклад в то, что внешнеполитические шаги Польши в ряде случаев оказались оторванными от ее реального международного положения.

Советская историография стремилась обосновать включение в состав СССР Западной Беларуси и Западной Украины, доказывая общность исторических судеб белорусского, украинского и русского народов, подчеркивая необходимость помочь «единокровным братьям» на названных территориях. Активно тиражировался тезис советского руководства о распаде польского государства, что сделало необходимым вступление Красной Армии в Западную Беларусь и Западную Украину. При этом классовые мотивы для советских историков в 1930-е гг. не были решающими, что связано с отказом советского руководства от политики «подталкивания» мировой революции и переходу к политике отстаивания государственных интересов СССР.

При изучении отношений между СССР и Польшей накануне Второй мировой войны в наибольшей степени проявились черты публицистичности в работах авторов обеих стран, так как они были посвящены особо актуальным проблемам текущей международной политики. Политический фактор и крайне ограниченный доступ к источникам обусловили то, что именно эти работы имели наименьшую научную достоверность [2; 21; 24; 27; 30; 34; 42; 52; 53].

6. Анализ историографии СССР и Польши 1918–1941 гг., посвященной отношениям между двумя странами, позволяет сделать вывод, что при изучении хронологически близких исторических событий исследователям крайне проблематично произвести объективную интерпретацию исторического прошлого, получить истинные научные знания. Это связано, во-первых, с влиянием политического фактора на исторические исследования. Оно проявлялось по нескольким направлениям. Политические деятели двух стран создали ряд работ по проблеме советско-польских отношений. Это имело скорее негативное влияние на развитие историографии. Политики часто не владели методологией исторического исследования и в своих работах ставили цель не установить научную истину, а обосновать политический курс тех политических сил, которые они представляли.

Затем эти установки в условиях недемократических политических режимов навязывались профессиональным историкам, становились господствующими, особенно в отношении событий, которые не потеряли свою политическую злободневность.

В 1920-е гг. советские историки, занимавшиеся историей советско-польских отношений, основывали свои исследования на марксистской методологии и классовом подходе. При этом в рамках единой методологии имелась возможность высказывать различные точки зрения. Но даже в это время мы имеем основания говорить о существовании в СССР единого направления в историографии советско-польских отношений, так как расхождения между исследователями носили частный характер и были обусловлены в основном субъективными мотивами. В 1930-е гг. историкам навязывалась властью одна официально установленная точка зрения, и какие-либо даже незначительные расхождения между исследователями советско-польских отношений стали невозможными. Если и происходила смена каких-либо положений историографии, как например отказ от тезиса о стремлении Советской России к «экспорту революции» в ходе польско-советской войны, то делалось это по указанию политического руководства.

В Польше сформировалось два направления историографии советско-польских отношений. Это деление отчетливо прослеживается при изучении концепций федерации и инкорпорации, Рижского договора, политики Польши в отношении Западной Беларуси и Западной Украины. Так называемое западное историографическое направление в политическом плане было близким к эндееции и обосновывало ее политику. Восточное направление было политически связано с лагерем Ю. Пилсудского, чью политику представляло в своих исследованиях как наиболее отвечающую интересам Польши. В годы парламентской республики преобладала историография, связанная с правыми партиями. В условиях «санации» пилсудчиковская историография стала господствующей.

Вторым важным фактором, резко ограничивающим возможности научной реконструкции истории советско-польских отношений историками 1918–1941 гг. стал крайне ограниченный доступ исследователей к историческим источникам. Государство взяло этот процесс под свой контроль и жестко его регламентировало. Возможность исследователя познакомиться с теми или иными материалами по истории советско-польских отношений в обеих странах определялась прежде всего политической целесообразностью, тем, как обнародование имеющейся в них информации повлияет на позиции, имидж государства на международной арене, учитывая, что изучались политически злободневные проблемы. Поэтому в работах советских и польских авторов обнародовались в основном достаточно известные факты советско-польских отношений при их, как правило, абсолютно различной интерпретации двумя историографиями [1; 2; 10; 14; 15; 16; 22; 23; 24; 27; 28; 30; 34; 48; 50; 51; 55; 58; 62; 64].

7. Советская и польская историографии 1918–1939 гг., обращаясь к истории советско-польских отношений, занималась изучением политически злободневной проблемы. Этим объяснялся повышенный интерес государства к данным историческим исследованиям, его стремление опереться на концепции и выводы историков при формировании и обосновании своего внешнеполитического курса. Действия государства по использованию истории для достижения своих политических целей в современной исторической науке определяются термином «историческая политика».

Для Польши важно было проведение исследований, в которых доказывалась закономерность восстановления ее независимости, подчеркивалась необходимость для польского народа строительства независимого государства, ибо только в его рамках сможет успешно развиваться польская нация. Историческая наука Польши активно занималась обоснованием «исторических прав» на территорию «восточных кресов», большое внимание уделялось доказательству жизнеспособности возродившейся Польши как государства, которое смогло выстоять в советско-польской войне.

После победы Октябрьской революции руководство Советской России позиционировало международные отношения как продолжение классовой борьбы на межгосударственном уровне. Поэтому при изучении отношений между РСФСР / СССР и Польшей советские исследователи особый акцент делали на усилия советского государства по защите прав трудящихся от экспансии польских помещиков и капиталистов на белорусские, литовские, украинские земли. В классовой ненависти правящих кругов Польши к социалистическому государству видели главную причину агрессивности польской политики в отношении Советской России. С середины 1930-х гг., когда СССР вернулся во многом к традиционной российской внешней политике, государство поставило перед советской исторической наукой задачу показать закономерность преемственности во внешней политике СССР и царской России. В результате советско-польские отношения советскими историками стали рассматриваться в большей степени в контексте межгосударственной борьбы, решения вопроса об обеспечении безопасности страны, которой угрожал традиционный противник – Германия. Из работ советских авторов исчезает тезис, согласно которому одной из целей войны 1919–1920 гг. с Польшей было распространение пролетарской революции. При этом, во многом в пропагандистских целях, в исторических работах внешняя угроза для советской страны представлялась как результат идеологических и классовых противоречий между СССР и капиталистическими странами.

Стремление правящих кругов СССР и Польши нацелить историческую науку на решение конъюнктурных задач по обоснованию внешнеполитического курса своего государства приводило к снижению научного уровня работ,

посвященных истории советско-польских отношений. Историки стремились не столько к тому, чтобы добыть новые достоверные научные знания, а старались на основе специально подобранных фактов, исходя из «политической целесообразности» формировать ценностные установки в отношении внешней политики своего государства и его оппонентов на международной арене. Таким образом, историческая наука, занимавшаяся историей советско-польских отношений, в значительной степени превращалась в «историческую идеологию». При этом польская историческая наука, как показал ход событий, обосновывала явно ошибочный внешнеполитический курс своей страны, который во многом базировался на конфронтации с СССР. Советская историография далеко не всегда была объективна в оценке внешней политики Советского Союза, но следует учитывать, что результаты этой политики не были столь катастрофичны, как результаты польской внешней политики [2; 10; 15; 16; 22; 23; 24; 26; 28; 30; 34; 48; 50; 51; 55; 58; 62; 64].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Проведенный в диссертации анализ советской и польской историографии 1918–1941 гг. по проблеме советско-польских отношений позволяет применить опыт указанного периода для определения методологии, методики и основных параметров проведения исторических исследований по истории международных отношений с целью повышения их научной эффективности. Определенный схематизм и упрощенность концепций истории советско-польских отношений, созданных советскими и польскими историками в межвоенное время, связан во многом с тем, что они не учитывали социокультурный аспект при исследовании международных отношений, то есть изучение взаимодействий различных обществ. Это очень важно, ибо для улучшения отношений с другими народами следует понять их отличия, их ценности. Важную роль историческая наука может сыграть в формировании положительного образа своего народа, что также важно для налаживания сотрудничества с другими странами. Исходя из опыта советской и польской историографии 1918–1941 гг. при изучении межгосударственных отношений важно не допустить использования историографии в качестве фактора конфронтации.

Развитие исторической науки в СССР и Польше в межвоенный период свидетельствует, что она, в том числе и историография международных отношений, может оказать значительное содействие становлению и укреплению независимого государства, обоснованию заявленного им места в системе международных отношений. Для этого она должна показать наличие исторических корней государственности, преемственности внешней политики. Материал диссертации может быть использован при формировании национально-государственной парадигмы белорусской историографии международных

отношений, что должно стать препятствием на пути искажения и фальсификации истории нашей страны.

Диссертационное исследование содержит материалы, которые целесообразно использовать в учебном процессе при подготовке профессиональных историков, специалистов в области международных отношений, в том числе при написании монографий, обобщающих работ, учебных пособий и учебников по историографии, истории новейшего времени, истории международных отношений.

По результатам диссертационного исследования имеется 7 актов о практическом использовании материалов диссертации в учебном процессе.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Монографии

1. Мезга, Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 198 с.

2. Мезга, Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2014. – 236 с.

Статьи в научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

3. Мезга, Н.Н. Польские маневры вокруг Рапалло / Н.Н. Мезга // Международная жизнь. – 1999. – № 5. – С. 85–92.

4. Мезга, Н.Н. «Восточные крессы» в дипломатическом противостоянии СССР и Польши в 20-е годы / Н.Н. Мезга // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Брянск : Издательство Брянского государственного педагогического университета, 2000. – Выпуск 1. – С. 170–176.

5. Мязга, М. Міжнароднапалітычны аспект барацьбы за беларускую дзяржаўнасць у пачатку 1920-х гг. / М. Мязга // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2001. – № 15. – S. 56–67.

6. Мязга, М.М. Польска-савецкія адносіны першай паловы 1920-х гадоў: актуальныя праблемы даследавання / М.М. Мязга // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету: Серія: Історичні науки. – Чернігів : ЧДПУ, 2006. – № 4, вып. 34. – С. 112–117.

7. Мязга, М.М. Польская гістарыяграфія аб уплыве савецка-германскага супрацоўніцтва 1920-х гадоў на міжнароднае становішча Польшчы / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – № 2. – С. 45–51.

8. Мязга, М.М. Намаганні савецкай дыпламатыі па рэвізіі граніцы, усталяванай Рыжскім дагаворам / М.М. Мязга // Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki / Pod redakcją Doroty Michaluk. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. – С. 355–373.

9. Мезга, Н.Н. Западная Украина и Западная Беларусь в межгосударственной борьбе в 1921–1926 годах / Н.Н. Мезга // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбіньського. Серія: Історія. – 2008. – Вып. XIV. – С. 194–198.

10. Мязга, М.М. Савецкая і польская міжваенная гістарыяграфія савецка-польскіх адносін у даследаваннях гісторыкаў СССР/ М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – № 4. – С. 117–123.

11. Мязга, М.М. Падпісанне Рапальскага дагавора і рэакцыя польскай дыпламатыі / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 6. – С. 22–26.

12. Мязга, М.М. Польшка-савецкія адносіны часоў вайны 1919–1920 гг. у гістарыяграфіі СССР міжваеннага часу / М.М. Мязга // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей / Под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2009. – Вып. 8 (13), ч. 1. – С. 134–139.

13. Мязга, М. Савецкая палітыка ў дачыненні да Польшчы на пачатковым этапе рурскага крызісу 1923 г. / М. Мязга // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2009. – № 32. – S. 116–127.

14. Мязга, М.М. Міхаіл Тухачэўскі і Юзэф Пілсудскі аб вайне 1920 г. / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4, ч. 1. – С. 146–152.

15. Мязга, М.М. Польшка-савецкая вайна 1919–1920 гг. у савецкай міжваеннай гістарыяграфіі / М.М. Мязга // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук. Серыя гуманітарных навук. – 2010. – № 4. – С. 65–70.

16. Мязга, М. М. Польшка гістарыяграфія польска-савецкіх адносін: этап станаўлення / М. М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 168–173.

17. Мязга, М.М. Палітыка Рапала ў адлюстраванні польскай гістарыяграфіі / М.М. Мязга // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей / Под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 147–154.

18. Мязга, М. Праблема нацыянальных меншасцей у савецкай палітыцы ў дачыненні да Польшчы ў першай палове 1920-х гадоў / М. Мязга // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2011. – № 35. – S. 56–67.

19. Мязга, М.М. Спробы польска-савецкага збліжэння напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2011. – № 5. – С. 85–89.

20. Мязга, М.М. Польшка міжваенная гістарыяграфія аб усходняй палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 78–84.

21. Мязга, М.М. У.І. Пічэта як даследчык польска-савецкіх адносін міжваеннага часу / М.М. Мязга // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навуковы зборнік / Рэдкал. У.К. Коршук (адказ. рэд.) [і інш.] – Мінск : БДУ, 2012. – Вып. 7. – С. 155–162.

22. Мезга, Н.Н. Рижский договор 1921 г. в работах советских историков межвоенного времени / Н.Н. Мезга // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2012. – Т. 14. – С. 31–37.

23. Мезга, Н.Н. Проблема становления восточной границы Польши в исследованиях польских историков межвоенного времени / Н.Н. Мезга // Российские и славянские исследования : сб. науч. тр. / Редкол. А. П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – Вып. 8. – С. 233–238.

24. Мязга, М.М. Праблема Заходняй Украіны і Заходняй Беларусі ў гістарыяграфіі і публіцыстыцы СССР і Польшчы міжваеннага часу / М.М. Мязга // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук. Серыя гуманітарных навук. – 2013. – № 3. – С. 71–76.

25. Мязга, М. Беларусь як поле геапалітычнай барацьбы паміж Польшчай і СССР у 1921–1926 гады / М. Мязга // *Stosunki polsko-białoruskie. Historia i współczesność* / Red. D. Michaluk. – Kraków : Wydawnictwo Avalon, 2013. – S. 91–108.

26. Мезга, Н.Н. Советская межвоенная историография об основных проблемах советско-польских отношений середины – второй половины 1930-х годов / Н.Н. Мезга // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серія А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. – 2014. – № 1. – С. 29–38.

27. Мезга, Н.Н. Отношения между СССР и Польшей в условиях нарастания мировой войны в советской и польской межвоенной историографии и публицистики / Н.Н. Мезга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4. – С. 82–87.

28. Мезга, Н.Н. Проблема заключения договора о ненападении между СССР и Польшей в межвоенной историографии и публицистике двух стран / Н.Н. Мезга // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбінського. Серія: Історія. – 2014. – Вып. XXII. – С. 248–251.

29. Мезга, Н.Н. Отношения между Россией (СССР) и Польшей 1921–1932 гг. в советской межвоенной историографии / Н.Н. Мезга // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навуковы зборнік / Рэдкал. : У.Н. Сідарцоў (адказ. рэд.), С.М. Ходзін (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2014. – Выпуск 9. – С. 140–149.

30. Мезга, Н.Н. Историческая наука в идейно-политическом противостоянии России и Польши в межвоенный период / Н.Н. Мезга // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2015. – № 2. – С. 79–85.

31. Мезга, Н.Н. Польская межвоенная историография об основных проблемах советско-польских отношений 1921–1932 годов / Н.Н. Мезга // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / Рэдкал. У.К. Коршук (адказ. рэд.) [і інш.] – Мінск : БДУ, 2015. – Вып. 10. – С. 223–233.

32. Мязга, М.М. Візіт наркама замежных спраў СССР Г.В. Чычэрына ў Варшаву восенню 1925 г. / М.М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 37–41.

33. Мезга, Н.Н. Европейская ситуация середины 1920-х годов и перспектива заключения польско-советского договора о ненападении / Н.Н. Мезга // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 29–36.

Статьи в других научных изданиях

34. Мязга, М.М. Адлюстраванне ідэйна-палітычнай барацьбы дзвюх дзяржаў у савецкай і польскай міжваеннай гістарыяграфіі / М.М. Мязга // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. – Мінск : БДУ, 2009. – Вып. 5. – С. 45–52.

35. Мязга, М.М. Палітычны крызіс у Германіі восенню 1923 г. і абстрактныя савецка-польскія адносіны / М.М. Мязга // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў : зб. навук. прац гістарычнага факультэта ГДУ імя Францыска Скарыны / Рэдкал. : В.А. Міхедзька (адказ. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – С. 159–166.

36. Мезга, Н.Н. Подготовка Рапальского договора в контексте польско-советско-германских отношений / Н.Н. Мезга // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6. – С. 17–20.

37. Мязга, М.М. Рапальскі дагавор і міжнародная сітуацыя ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе / М.М. Мязга // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. / Рэд. калегія Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – Вып. 1. – С. 321–226.

38. Мезга, Н.Н. Концепции польско-советской границы в правящих кругах Польши и России (1918–1919 гг.) / Н.Н. Мезга // Гуманітарны вісник НУК. 1998–2013 : зб. навук. праць. – Миколаїв : Іліон, 2013. – Вып. 6. – С. 36–37.

39. Мязга, М.М. Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў / М.М. Мязга // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зб. навук. арт. / Рэд. калегія Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2013. – Вып. 2. – С. 59–66.

40. Мязга М.М. Некаторыя аспекты дзейнасці консульства Польшчы ў Мінску ў сярэдзіне 1920-х гадоў / М.М. Мязга // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. / Рэд. калегія В.А. Міхедзька (адказ. рэд.) [і інш.]. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2013. – С. 101–107.

41. Мязга, М.М. Набыццё незалежнасці Польшчай у 1918 г. і пытанне аднаўлення ўсходніх граніц 1772 г. / М. М. Мязга // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міждзяржаўныя і міжнацыянальныя адносіны : зб. навук. арт. / Рэд. калегія Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2014. – Вып. 3. – С. 57–62.

42. Мязга, М.М. Гісторыя польска-савецкіх адносін у даследаваннях С. Кутшэбы / М.М. Мязга // Ad jubilaem: да 70-годдзя стварэння гістарычнага факультэта : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Рэдкал. : В.А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – Ч. 1. – С. 43–49.

43. Мязга, М.М. Змены ў міжнароднай сітуацыі ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ў сувязі з падрыхтоўкай Рэйнскага гарантыйнага пакта / М.М. Мязга // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міждзяржаўныя і міжнацыянальныя адносіны : зб. навук. арт. / Рэд. калегія Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2015. – Вып. 4. – С. 113–118.

44. Мезга, Н.Н. Советско-германские отношения в условиях подготовки Рейнского гарантийного пакта / Н.Н. Мезга // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 59–67.

Стат'і в зборніках матэрыялаў навуковых канферэнцый

45. Мязга, М.М. Перамовы ў Рызе: Пахаванне палітыкі федэралізму / М.М. Мязга // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі : матэрыялы беларуска-польскага навуковага семінара, Мінск, 5–6 красавіка 2002 г. / Адказ. рэд. – склад. К.І. Козак, Р.Р. Лазько. – Мінск : НАРБ, 2002. – С. 23–25.

46. Мязга, М.М. Аб некаторых праблемах у вывучэнні польска-савецкіх адносін 1920-х гадоў / М.М. Мязга // Славянскі мир і славянскія культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур : материалы Международной научно-теоретической конференции, Витебск, 31 октября – 1 ноября 2002 г. : в 2-х ч. – Витебск : Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002. – Ч. 1. – С. 39–41.

47. Мязга, М.М. Возврат культурных ценностей в соответствии с Рижским договором / М.М. Мязга // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы исторического прошлого и современности : материалы Международной научно-теоретической конференции, Витебск, 30–31 октября 2003 г. / Ред. коллегия В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – С. 75–77.

48. Мязга, М.М. Праблемы границ пасляверсальскай Польшчы ў савецкай і польскай гістарыяграфіі / М.М. Мязга // Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР) : материалы Международной научной конференции, Минск, 24–25 апреля 2003 г. / Ред. коллегия О.А. Яновский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2004. – С. 111–115.

49. Мязга, М.М. Польская пазіцыя па пытанню граніцы ў час перамоў у Рызе / М.М. Мязга // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы IV Международной научной конференции, Гомель, 26–27 мая 2005 г. / Ред. коллегия В.В. Кириенко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГТУ имени П.О. Сухого, 2005. – С. 269–271.

50. Мязга, М.М. Польская палітыка 1921–1926 гадоў у дачыненні да Савецкай дзяржавы ў гістарыяграфіі СССР / М.М. Мязга // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 28–29 верасня 2006 г. / Рэд. калегія Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : Выд. ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 154–160.

51. Мязга, М.М. Пытанні савецка-польскіх адносін у працах У.І. Леніна / М.М. Мязга // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі, новай і навейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 28 сакавіка 2008 г. : у 2-х ч. / Рэд. калегія А.І. Андрала [і інш.]. – Мн. : БГПУ, 2008. – Ч. 2. – С. 20–22.

52. Мязга, Н.Н. Международные отношения межвоенного периода в Центрально-Восточной Европе. Внешняя политика Польши / Н.Н. Мязга // Россия и Польша: долг памяти и право забвения : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 22–24 октября 2009 г. / Редакторы-составители А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева. – М. : Российский институт культурологи, 2009. – С. 52–53.

53. Мязга, М.М. Гісторыя савецка-польскіх адносін міжваеннага часу ў работах І. Ф. Лочмеля / М.М. Мязга // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гомель, 30 верасня – 1 кастрычніка 2010 г. Рэд. калегія

Р.Р. Лазько (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Гомель : УА “ГДУ ім. Ф. Скарыны”, 2010. – С. 287–290.

54. Мязга, М.М. Рыжскі дагавор у кантэксце фарміравання Версальскай сістэмы міжнародных адносін / М.М. Мязга // Геополітычная трансфармацыя в Восточной Европе между двумя мировыми войнами (к 90-летию подписания Рижского мирного договора) : сб. материалов Международной научной конференции, Брест, 17–18 сентября 2011 г. / Ред. коллегия М.Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 108–112.

55. Мезга, Н. Польская публицистика и историография 1920–1930-х годов о проблеме восточной границы Польши / Н. Мезга // Освіта на Поділлі: минуле та сьогодення. Матеріали ХХІІІ Всеукраїнської конференції. Вінниця, 20–21 жовтня 2011 р. / Ред. колегія Ю.А. Зинько (відп. ред.) [і друг.]. – Вінниця : Вінницький державний педагогічний університет імені Михайла Коцюбинського, 2011. – С. 403–409.

56. Мязга, М.М. Тэндэнцыя да польска-савецкага збліжэння ў першай палове 1924 г. / М.М. Мязга // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени : материалы Международной научно-теоретической конференции, Минск, 25 февраля 2011 г. – Минск : РИВШ, 2012. – С. 172–176.

57. Мезга, Н. История Рижского договора в отражении польской межвоенной историографии / Н. Мезга // Україна і Польща: історичне сусідство : матеріали Міжнародної наукової конференції, Вінниця, 17–18 травня 2012 р. / Ред. колегія Ю.А. Зинько (відп. ред.) [і друг.]. – Вінниця : ТОВ «Нілан ЛДТ», 2012. – С. 357–364.

58. Мезга Н.Н. Обоснование территориальных претензий Польши на востоке в польской историографии 1919–1921 гг. / Н.Н. Мезга // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран : материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 75-летию образования кафедры истории Нового и Новейшего времени, Минск, 25 октября 2012 г. / Редкол. : В.С. Кошелев (предс.) [и др.]. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2012. – С. 130–132.

59. Мезга, Н.Н. Концепции польско-советской границы в правящих кругах Польши и России (1918–1919 гг.) / Н.Н. Мезга // Україна і Беларусь: історія та сучасність : матеріали науково-методичного семінару, Миколаїв, 16–17 травня 2013 р. – Миколаїв : НУК, 2013. – С. 33–38.

60. Мязга, М.М. Заходнебеларускія землі ў планах польскай палітычнай эліты пасля завяршэння Першай сусветнай вайны / М.М. Мязга // Падзеі Першай сусветнай вайны ў лёсе Заходняй Беларусі (да стагоддзя з пачатку Першай сусветнай вайны) : зб. дакладаў, Пружаны, 25–26 красавіка 2014 г. – Брэст : Выдаўніцтва БрДзТУ, 2014. – С. 74–80.

61. Мязга, М.М. Польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. у кантэксте станаўлення Версальскай сістэмы міжнародных адносін / М.М. Мязга // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Международной научной конференции, Вилейка, 18 октября 2014 г. ; редкол. В.А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 354–358.

62. Мезга, Н.Н. Восстановление независимости Польши и польская историческая наука / Н.Н. Мезга // Славяне в Первой мировой войне: Славянская государственность на обломках великих империй в XX веке : материалы Всероссийской конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 15–17 октября 2014 / Составители А.И. Фелюшков (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : б. изд, 2014. – С. 57–60.

63. Мезга, Н.Н. Беларусь и Украина в планах Ю. Пилсудского в период польско-советской войны 1919–1920 годов / Н.Н. Мезга // Аркасіўскі чітанні : матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції, Миколаїв, 11–12 квітня 2014 р. / Ред. колегія В.М. Даниленко [і друг.] – Миколаїв : МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2014. – С. 73–75.

64. Мязга, М.М. Польская міжваенная гістарыяграфія аб аднаўленні незалежнасці Польшчы ў 1918 г. / М.М. Мязга // Романовские чтения – 10, посвященные 80-летию исторического факультета : сборник статей 4международной научной конференции, Могилев, 27–28 ноября 2015 г. / Под общ. ред. И.В. Шардыко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. – С. 119–120.

65. Мязга, М.М. Пачатковы этап трансфармацыі Версальскай сістэмы і краіны Цэнтральна-Усходняй Еўропы / М.М. Мязга // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2015 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 88–92.

66. Мезга, Н.Н. Беларусь и Украина в планах Ю. Пилсудского в период польско-советской войны 1919–1920 годов / Н.Н. Мезга // Аркасіўскі чітанні : матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції, Миколаїв, 15–16 квітня 2016 р. – Миколаїв : МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2016. – С. 127–129.

РЕЗЮМЕ

Мезга Николай Николаевич

Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.

Ключевые слова: историография, советско-польские отношения, межвоенный период, СССР, Польша, советско-польская война, Рижский мир, договор о ненападении, угроза войны и безопасность, историческая политика, историографическая концепция, направление историографии.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить содержание и особенности советской и польской историографии 1918–1941 гг. по истории советско-польских отношений.

Методология исследования: в методологическом плане исследование построено на принципах объективности, историзма, ценностного подхода. В процессе исследования нашли применение общенаучные методы исследования, прежде всего, анализ и синтез, специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический, проблемно-хронологический.

Полученные результаты и их новизна: впервые в отечественной исторической науке осуществлен сравнительный анализ историографии СССР и Польши 1918–1941 гг. истории советско-польских отношений. Выявлены основные концепции, выводы, сформулированные историками двух стран при изучении указанной научной проблемы, определены факторы, влиявшие на развитие историографии. Сделан вывод о том, что историография советско-польских отношений 1918–1941 гг. в СССР и Польше была в равной степени поставлена на службу политике своего государства, что, с одной стороны, содействовало становлению советской формы государственности в России и возрождению польского независимого государства, а с другой, являлось существенным препятствием для получения объективных научных знаний.

Рекомендации по практическому применению. Результаты исследования представляют интерес для определения принципов взаимодействия исторической науки и государства, использования трудов историков для разработки и обоснования внешнеполитического курса страны. Материалы работы могут быть использованы при подготовке обобщающих и учебно-методических работ по историографии, истории международных отношений, новейшей истории.

Область применения. Исторические и социально-гуманитарные науки; система образования; государственное управление.

РЭЗІЮМЭ

Мязга Мікалай Мікалаевіч

Савецка-польскія адносіны

ў савецкай і польскай гістарыяграфіі 1918–1941 гг.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, савецка-польскія адносіны, міжваенны перыяд, СССР, Польшча, савецка-польская вайна, Рыжскі мір, дагавор аб ненападзе, пагроза вайны і бяспека, гістарычная палітыка, гісторыяграфічная канцэпцыя, кірунак гістарыяграфіі.

Мэта дадзенага даследавання складаецца ў тым, каб выявіць змест і асаблівасці савецкай і польскай гістарыяграфіі 1918–1941 гг. па гісторыі савецка-польскіх адносін.

Метадалогія даследавання: у метадалагічным плане даследаванне пабудавана на прынцыпах аб'ектыўнасці, гістарызму, каштоўнаснага падыходу. Падчас даследаванняў знайшлі прымяненне агульнанавуковыя метады даследавання, перш за ўсё, аналіз і сінтаз, спецыяльныя гістарычныя метады: гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны, гісторыка-тыпалагічны, праблемна-храналагічны.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: упершыню ў айчынай гістарычнай навуцы ажыццёўлены параўнальны аналіз гістарыяграфіі СССР і Польшчы 1918–1941 гг. гісторыі савецка-польскіх адносін. Выяўлены асноўныя канцэпцыі, высновы, сфармуляваныя гісторыкамі дзвюх краін пры вывучэнні названай навуковай праблемы, вызначаны фактары, якія ўплывалі на развіццё гістарыяграфіі. Зроблена выснова аб тым, што гістарыяграфія савецка-польскіх адносін 1918–1941 гг. у СССР і Польшчы была ў роўнай ступені пастаўленая на службу палітыцы сваёй дзяржавы, што, з аднаго боку, садзейнічала станаўленню савецкай формы дзяржаўнасці ў Расіі і адраджэнню польскай незалежнай дзяржавы, а з іншага, з'яўлялася істотнай перашкодай для атрымання аб'ектыўных навуковых ведаў.

Рэкамендацыі па практычным выкарыстанні: вынікі даследавання ўяўляюць цікавасць для вызначэння прынцыпаў узаемадзеяння гістарычнай навукі і дзяржавы, выкарыстання прац гісторыкаў для распрацоўкі і абгрунтавання знешнепалітычнага курсу краіны. Матэрыялы работы могуць быць выкарыстаныя пры падрыхтоўцы абагульняючых і вучэбна-метадычных прац па гістарыяграфіі, гісторыі міжнародных адносін, навейшай гісторыі.

Вобласць прымянення. Гістарычныя і сацыяльна-гуманітарныя навукі; сістэма адукацыі; дзяржаўнае кіраванне.

SUMMARY

Miazga Nikolai Nikolaevich

**Soviet-Polish relation
in Soviet and Polish historiography of 1918–1941**

Key words: historiography, the Soviet-Polish relations, the interwar period, the USSR, Poland, Polish-Soviet war, the peace of Riga, non-aggression treaty, menace of war and safety, historical policy, historiographical concept, courses of historiography.

The purpose of this study is to identify the contents and features of the Soviet and Polish historiography in the period 1918–1941 on the history of Soviet-Polish relations.

Research methodology: the study is based on the principles of objectivity, historicism, value approach. In the process of the study, such general scientific methods of research as analysis and synthesis, special historical methods have been used: historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, historical-typological, problem-chronological.

Obtained results and their novelty: for the first time in Belarusian historical science the comparative analysis of the historiography of the USSR and Poland of 1918–1941 of the history of Soviet-Polish relations has been performed. The basic concepts and the conclusions have been detected by the historians of the two countries in the study of the given scientific problem; the factors that influenced the development of historiography have been determined. It has been concluded that the historiography of Polish-Soviet relations of 1918–1941 in the USSR and Poland was equally put at the service of policy for its state. From the one hand, it facilitated the establishment of the Soviet form of statehood in Russia and the revival of the Polish independent state; from the other hand, it was a significant obstacle to obtain objective scientific knowledge.

Recommendations for practical use: the results of the research are of interest to determine the principles of interaction of historical science and the state, the use of historical works for the development and justification of the country's foreign policy course. This material can be used in the preparation of general and educational works on the historiography, history of international relations and contemporary history.

Application area: historical and socio-humanities studies; education; public administration.